

Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе

И. И. Верняев

Для цитирования: *Верняев И. И.* Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1240–1256. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.405>

Формирование общегражданских, единых государственных институтов было и остается серьезной проблемой и вызовом для полиэтноконфессиональных государств. Большой исторический опыт, и позитивный, и негативный, в этом отношении накоплен Российской империей. Одним из самых масштабных опытов формирования общих институтов стало постепенное внедрение новой юстиции на основе Судебных уставов 1864 г. на всем пространстве Российской империи. В статье рассматривается опыт создания и функционирования местной имперской юстиции — мирового суда — в Закавказье. Исследование показало, что следует пересмотреть представленное в историографии мнение о противоположности, дуализме и несовместимости, с одной стороны, нового реформированного суда, его правовой основы, судопроизводственных форм и, с другой стороны, традиционных судебных практик, правовых традиций и представлений населения Закавказья. Модели непреодолимого дуализма, «монолитности» противостоящих друг другу культурно-правовых систем оказываются при ближайшем рассмотрении односторонними и неадекватными. В статье с использованием разнообразного материала (решения судов, юридической периодики, ревизских обследований, статистики) показано, что новая юстиция, ее процессуально- и материально-правовая база, уже изначально имела общие черты с местными судебно-правовыми воззрениями и практиками. Имперское законодательство частично инкорпорировало положения местного кодекса, канонического и обычного права. Имперские суды ограничительно использовали обычно-правовые нормы края. Выстраивались каналы коммуникации между судами и местными сообществами. Сделан вывод о кадровой «коренизации» имперского суда. Доказано, что мировой суд занял важную и незаменимую нишу в обеспечении правосудия в регионе. Гарантии правосудия и адаптация к местным реалиям сделала его, как показывают статистические данные и описательные оценки, востребованным местным населением. Модели гибридности, симбиотических институциональных, культурно-правовых пространств, которые разрабатываются, в частности в некоторых направлениях постколониальных исследований, оказываются более адекватными для описания процессов взаимодействия имперских и окраинных судебно-правовых институтов.

Игорь Иванович Верняев — канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; i.verniaev@spbu.ru

Igor I. Verniaev — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; i.verniaev@spbu.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта № 15-18-00119 Российского научного фонда.

This article was prepared with the support of grant No. 15-18-00119 of the Russian Science Foundation.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Ключевые слова: Российская империя, Закавказье, мировой суд, адаптация общих институтов к этноконфессиональному разнообразию.

Adaptation of Imperial Jurisdiction of Magistrates' Courts in Transcaucasia

I. I. Verniaev

For citation: Verniaev I. I. Adaptation of Imperial Jurisdiction of Magistrates' courts in Transcaucasia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1240–1256. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.405> (In Russian)

The formation of general, unified state institutions in multiethnic countries has always posed a challenge. Gradual introduction of new jurisdiction on the basis of the Judicial Statutes of 1864 into the entire Russian Empire became a large-scale practice of creating such institutions. The article discusses the process of the establishing and functioning of magistrates' courts (mirovoy sud) in the South Caucasus. The research has shown the necessity to reconsider the existing opinion in historiography on the radical contrast between the new judicial system and judicial and legal practices of the people of Transcaucasia. Models of insurmountable dualism of opposing cultural-legal systems are, on closer examination, one-sided and inadequate. The article demonstrates that there were common features between the new jurisdiction, its procedural and legal base, and local judicial and legal views and practices. The imperial legislation partially incorporated the provisions of the regional legal code and canonical law. Imperial courts partly used customary law. Communication channels were formed between the new courts and local communities. There was a kind of personnel "indigenization" of the imperial court. The paper proves that magistrates' courts occupied an important and irreplaceable niche in the region. The guarantees of justice and gradual adaptation to local realities made it demanded by the local population. Models of hybridity, symbiotic institutional and cultural-legal spaces, which are being developed in post-colonial studies, seem to be more suitable for describing the interaction between judicial and legal institutions of the empire and its borderlands.

Keywords: Russian Empire, Transcaucasia, magistrates' courts, adaptation of common institutions to ethno-confessional diversity.

Проблематика формирования общегражданских институтов в полиэтноконфессиональных странах в последние десятилетия стала междисциплинарным предметом исследования. Этим занимаются историки, антропологи, политологи, социологи, правоведы¹. Для любого государства с гетерогенным населением задача создания общегражданских, государственных институтов — системы территориально-административного устройства, самоуправления, представительской власти, политических партий, образования, армии, единого законодательства, судебной системы и др. — была сложной, нетривиальной. В каждой из этих сфер приходилось и приходится решать задачи адаптации общих институтов к этнокультурному разнообразию, учета при их формировании и функционировании особенностей

¹ Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, 1977; O'Leary B., McGarry J. *Regulating Nations and ethnic communities // Nationalism and Rationality*. Cambridge, 1995. P. 245–289; Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; Elkins Z., Sides J. *Can Institutions Build Unity in Multiethnic States? // The American Political Science Review*. 2007. Vol. 101, no. 4. P. 693–708; Миронов Б. Н. *Российская империя: от традиции к модерну*. Т. 1. СПб., 2014. С. 113–220.

и интересов разных групп и категорий населения. Большой исторический опыт, и позитивный, и негативный, в этом отношении накоплен Российской империей.

Одним из самых масштабных и противоречивых по результатам опытов формирования общих институтов стала судебная реформа, постепенное внедрение новой судебной системы на основе Судебных уставов 1864 г. на всем пространстве Российской империи. Особенно интересно создание местного мирового суда, поскольку этот институт являлся массовым, располагал наиболее широкой и плотной сетью распространения и был в наибольшей степени соприкасающимся с разнообразными сообществами империи в их повседневной жизни. Именно на мировой суд разработчиками реформы возлагалась особая миссия: с одной стороны, он должен был стать одним из ключевых каналов и механизмов трансляции новой правовой культуры, реализации задач гражданско-правовой интеграции страны, а с другой — через плотное взаимодействие с местными сообществами он должен был помочь обобщить и отчасти инкорпорировать в общеимперской системе права правовое разнообразие империи².

Первой окраиной Российской империи, где в полном объеме, хотя и с определенными модификациями, были созданы реформированные судебные институты, в том числе мировой суд, стало Закавказье (Южный Кавказ). В 1866 г. было принято положение о распространении реформы на Закавказский край, а в 1868 г., когда еще во внутренних губерниях не везде были проведены судебные нововведения, уже были открыты и начали функционировать окружные и мировые суды Тифлисской судебной палаты. Опыт судебной реформы и, в частности, создания мирового суда в Закавказье стал во многом модельным и был использован при внедрении Судебных уставов 1864 г. на других окраинах.

В историографии распространен пессимистический взгляд на результаты реализации судебной реформы в Закавказье³. Наиболее ярко подобная критика прозвучала в работах немецкого исследователя Й. Баберовски. По его мнению, европейская идея верховенства закона, на которой основывался реформированный суд, вела к абсурду в полиэтнической империи, поскольку настраивала местные элиты против российской администрации, не обеспечивая при этом цивилизационной трансформации и гомогенизации правовых воззрений⁴. Й. Баберовски делает вывод, что царский суд и его судьи «являлись завоевателями, стремившимися уничтожить старинные обычаи. Поэтому к ним относились с недоверием и неприкрытой враждебностью»⁵.

Однако наше исследование показывает, что подобного рода оценки, подчеркивающие изначальный и непреодолимый социокультурный и судебно-правовой ду-

² Джанишев Г. А. Основы судебной реформы. Историко-юридические этюды. М., 1891. С. 314–319; Полянский Н. Мировой суд // Судебная реформа. Т. 2. М., 1915. С. 215; Дерюжинский К. Ф. Местный суд. Восстановление выборного мирового суда применительно к законодательным предложениям Третьей Государственной думы. М., 1909. С. 10.

³ Подробнее об этом см.: *Baberowski J. Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914.* Frankfurt am Main, 1996; *Нестеренко Л. С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи: дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2012. С. 118–131; *Давидян Г. М. Организация правосудия в Закавказье в XIX в.: судебные реформы // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право.* 2015. № 2. С. 76–86.

⁴ *Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917.* Cambridge, 2006. P. 344–368.

⁵ *Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе.* М., 2010. С. 39–42.

ализм, являются односторонними. Они в значительной мере опираются на ограниченный круг источников. В них в основном повторяются те оценки реформированной судебной системы региона, которые были даны со стороны административных властей края того времени. Разделение властей, ограничение полномочий полицейской администрации, относительно независимое положение судей, нередкие проигрыши в судах дел, инициированных полицейскими и административными чинами разного уровня, часто создавали напряженные отношения между судебным и полицейско-административным ведомствами. В контексте этих отношений многие оценки новых судов и результатов их работ становились гиперкритичными. Включение в круг источников таких материалов, как сенаторские ревизии, региональная периодика, в том числе специальная юридическая, статистические материалы, собственно судебные дела, позволяет создать более взвешенную картину функционирования реформированной судебной системы края и, в частности, ее наиболее массовой и наиболее соприкасающейся с населением части — мировых судов.

По Положению от 22 ноября 1866 г. в Закавказском крае судебная реформа вводилась с существенными модификациями, которые были вызваны спецификой региона, особенностью политики империи в этой окраине и ограничениями в ресурсном обеспечении. Своеобразие устройства мирового суда в Закавказье заключались в следующем: 1) создавался один мировой отдел на обширную округу, как правило, охватывающую целый уезд; 2) вводилась расширенная, в сравнении с мировым судом внутренних губерний, подсудность; по гражданским делам размер иска устанавливался до 2 тыс. руб. (включая дела о недвижимости); по уголовным делам мировой суд решал все дела, кроме тех, наказания по которым предусматривали лишение или ограничение прав состояния; 3) кроме собственно судебных функций мировой отдел осуществлял также судебное следствие в уезде, вел нотариальные и опекунские дела, приводил приговоры в исполнение; тем самым мировой отдел являлся в уезде полифункциональным юридическим центром; 4) ввиду полифункциональности, расширенной подсудности и большого территориального охвата мировой отдел помимо мирового судьи включал его помощников, кандидатов на судебную должность, судебных приставов, а также канцелярский штат — секретаря, помощников секретарей, переводчиков; со временем внутри мировых отделов формировались отдаленные от центра участки, в которых полный набор судебных функций исполняли помощники мирового судьи; происходила также специализация помощников и кандидатов на выполнении только следственной работы; 5) мировые судьи и весь штат мирового отдела не избирались, а назначались; 6) апелляционной инстанцией выступал не съезд мировых судей, а специальное апелляционное отделение окружного суда, тем самым мировой суд в Закавказье, в отличие от внутренних губерний, был встроен в общую систему судебных учреждений; 7) кассационной инстанцией для мировых судов была Тифлисская судебная палата⁶.

Первоначально реформированные суды были введены в Тифлисской, Кутаисской, Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерниях, а впоследствии

⁶ См.: Высочайше утвержденное Положение о применении Судебных уставов 20 ноября 1864 года к Закавказскому краю // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 41. Отд. 2. № 43880. С. 265–270 (далее — ПСЗРИ-2); Высочайше утвержденный 9 декабря 1867 года штат судебных установлений в Закавказских губерниях округа Тифлисской судебной палаты // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 2. № 45260. С. 795–797.

распространены в Закатальском и Сухумском округах, Батумской и Карсской областях. При этом в округах и областях, управлявшихся по особым положениям, параллельно сохранялись разного типа «народные» окружные и областные суды (горские словесные, меджлисы), входящие в административное, а не судебное ведомство. Они рассматривали дела только между туземцами соответствующего округа и области. На низовом уровне в Закавказье сохранялась юрисдикция словесных сельских судов (введены в 1864 г.) — регионального аналога волостных судов. Сельские суды занимались гражданскими делами между крестьянами соответствующего сельского поселения (при стоимости иска до 100 руб. и мелкие проступки). При согласии сторон дело могло быть перенесено из «народного» или сельского в мировой суд.

На практике закавказская региональная модификация системы общегражданского местного суда показала в целом свою работоспособность и несомненные достоинства: в рамках мирового отдела сосредоточивался весь необходимый набор судебных функций, местный суд был не изолирован, а встроен в общую судебную иерархию⁷. В то же время система была достаточно гибкой, способной к адаптации к особенностям региона, его полиэтноконфессионального населения. Самая главная проблема функционирования системы местного суда — перегруженность мировых судей и судебных следователей делами — со временем решалась путем развития судебной инфраструктуры, открытия новых участков, увеличения числа персонала⁸. Тем самым суд становился более доступным. Постепенно происходила приспособление общегражданского местного суда и в других аспектах. Остановимся на этом более подробно.

Одним из важных направлений адаптации имперской судебной системы, и в первую очередь мирового суда, к особенностям полиэтноконфессионального населения края стало частичное использование в судопроизводстве обычного и религиозного права, а также тех положений регионального кодекса (так называемое Уложение царя Вахтанга), которые вошли в Свод законов Российской империи.

После отмены в 1859 г. в Закавказье действия местного Уложения царя Вахтанга некоторые его гражданско-правовые нормы были инкорпорированы в Свод законов гражданских. Региональные дополнения были внесены в 14 статей имперского Свода. Эти статьи санкционировали, в частности, положения о развитом в регионе сервитутном праве — праве пользования чужими землями для прокладки каналов, пастбищами, прогонами, водными источниками, причалами и др. Кроме того, в имперский Свод были включены региональные нормы о наследовании, семейных разделах, некоторых видах арендных отношений и займов. Эти инкорпорированные из местного кодекса положения Свода законов гражданских действовали в Закавказье до конца имперского периода и активно применялись судами⁹.

⁷ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис, 1907. С. 10–12, 20–21; Н. В. По поводу реформы мирового института. Рига, 1908.

⁸ Савицкий И. К вопросу о будущем общем типе местной юстиции // Судебная газета. 1895. № 1. С. 4–5.

⁹ О замене в Закавказском крае постановлений из Уложения царя Вахтанга общими законами Империи // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 2. № 34980. С. 128–132; Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М., 2014. С. 115–116; Саванели А. Кавказские материалы для будущего гражданского Уложения. V // Юридическое обозрение. 1883. № 137. С. 332–337.

С учетом традиций Закавказья для региона была изменена общеимперская норма о брачном возрасте. Так, если для большинства населения империи различного исповедания брачный возраст по Своду законов был установлен: в 18 лет — для мужчин и 16 лет — для женщин, то для коренного населения Закавказья вводились другие сроки: для мужчин — 15 лет, для женщин — 13 лет¹⁰.

Регулирование прав на водные источники — одна из наиболее важных правовых сфер в Закавказье. Устройство, содержание и использование поливных каналов в крае Сводом законов 1857 г. определялось местными обычаями. В дальнейшем ряд этих обычаев был обобщен в «Положении о пользовании водами для орошения земель в Закавказье» от 3 декабря 1890 г. (включено в Устав сельского хозяйства Свода законов)¹¹.

Мировые суды региона активно использовали не только инкорпорированные в имперское законодательство положения регионального кодекса и кодифицированные обычаи, а также некодифицированное местное обычное право. Например, в соответствии со статьей 130 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. мировой судья по ссылке одной или обеих сторон имел право руководствоваться «общеизвестными местными обычаями» (при условии, если по данному предмету иска закон дозволял применение обычаев или вообще не регулировал данную сферу отношений)¹².

Ревизия судебных учреждений Закавказья 1895 г. под руководством сенатора, известного юриста А. Ф. Кони показала, что мировые судьи при вынесении решений учитывали местные обычаи не только в области водопользования, но и при решении других типов дел. В частности, в сфере обязательственных отношений на основании обычая определялась ответственность пастухов за пропажу скота во время летнего выпаса на горных пастбищах, решались споры о возврате собственнику половины отданного на выкорм скота и приплода от него, иски о праве жениха в случае отказа невесты от замужества на получение компенсации расходов на подарки и угощения и др.¹³ Материалы кассационных решений Тифлисской судебной палаты свидетельствуют о том, что в Мингрелии в сфере гражданского права мировые суды придерживались местной нормы о тридцатилетней давности по заемным обязательствам. В сфере имущественного права мировые судьи Закавказья учитывали специфику арендных отношений и соответствующих местных правовых норм. В частности, мировые суды Кутаисской губернии при разрешении исков принимали во внимание правовой обычай *сенашено* (бессрочная аренда земли с обязательством арендатора развести и содержать на арендованном участке виноградник). Бытование в округе мирового суда тех или иных норм обычного права устанавливалось судьей, как правило, путем опроса свидетелей¹⁴.

¹⁰ Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских (СЗРИ). Ст. 3. СПб., 1912. С. 1.

¹¹ СЗРИ. Т. XII. Ч. 2. Устав сельского хозяйства. Ст. 287–320. СПб., 1912. С. 340–344, 443–447.

¹² Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1867. С. 68.

¹³ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. IV. Свод ревизионных отчетов. СПб.: Типография Правительствующего сената. СПб., 1897. С. 79.

¹⁴ Положения, извлеченные из текущих кассационных решений Тифлисской судебной палаты (сообщ. П. П. Соколов) // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1881. № 2. С. 60–61;

Закавказские мировые суды ежегодно разбирали тысячи гражданских исков между мусульманами по семейному и наследственному праву, и при решении этих дел учитывались нормы мусульманского права. Так, могли применяться несколько статей имперского Свода законов гражданских, касающихся мусульманского права в вопросах брака и развода (статьи 3, 63, 90–98), раздела наследства (ст. 1333), вдовьей имущественной доли (ст. 1161), а также ряд разъяснений Сената. Но этих статей и разъяснений было недостаточно для судебного разбора всего разнообразия исков. Для восполнения правовых оснований закавказские мировые суды практиковали приглашение в судебные заседания в качестве экспертов духовных лиц и запрашивали справки в мусульманские медресы, учрежденные по Положениям об управлении закавказского духовенства 1872 г.¹⁵ Примириательные сделки по судебнo-брачным делам в мусульманских медресах окончательно удостоверялись мировыми судьями¹⁶.

Мировые суды региона рассматривали множество споров по так называемым *кебинным* актам. Кебинные акты, широко распространенные в среде мусульманского населения Закавказья, были разновидностью брачных контрактов, гарантирующих имущественные права жены в случае развода и смерти супруга. В соответствии с Положением об управлении закавказского духовенства 1872 г., споры по этим актам могли рассматриваться в зависимости от воли сторон мусульманским судьей-казием или гражданским судом. Мировые суды при рассмотрении такого рода дел, как правило, запрашивали заключение у мусульманских духовных лиц, соответственно разрешали их с учетом толкования норм шариата¹⁷.

В связи с разработкой с 1882 г. нового Гражданского уложения и планами Министерства юстиции учесть в нем местные системы гражданского права закавказское юридическое сообщество активизировало свою деятельность по сбору и обобщению действующих в регионе правовых норм для возможного включения в общеимперский кодекс. Региональная юридическая корпорация, полиэтническая по составу, разработала целую программу изучения местного материального права. Деятели закавказского Юридического общества заявляли в качестве своей миссии адаптацию писаного закона к реальности, условиям жизни сообществ. Критерием успеха пореформенных судов должно было стать то, насколько они способны «применять нормы закона к бытовым условиям жизни населения, среди которого они действуют». Особенные надежды в этой связи возлагались именно на мировых судей как наиболее близко стоящих к местным сообществам¹⁸.

Положения, извлеченные из кассационных решений (Сообщ. Я. И. Рашет) // Юридическое обозрение. № 10. С. 465–466.

¹⁵ *Ефимов В.*: 1) Заметки о мусульманском наследственном и семейственном праве // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1886. № 278. С. 297–300; 2) Заметки о мусульманском наследственном и семейственном праве (окончание) // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1886. № 279. С. 321–325.

¹⁶ *Быков Ф. А.* Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе (окончание) // Юридическое обозрение. 1883. № 112. С. 72–82.

¹⁷ О подчинении мусульманских брачных по имуществу дел суду духовному // Юридическое обозрение. 1883. № 106. С. 409–414; *Ефимов В.* О мусульманском браке // Журнал Министерства юстиции. 1883. № 4. С. 30–33.

¹⁸ Проект нового уложения и кавказские юристы // Юридическое обозрение. 1882. № 87. С. 385–389; Тифлис, 15 декабря 1882 года: по поводу программы // Юридическое обозрение. 1882. № 90. С. 485–487; *Саванели А.* Кавказские материалы для будущего гражданского Уложения. V

Существенной проблемой в первые пореформенные годы стало несоответствие традиционных способов фиксации долговых обязательств, принятых в мусульманских регионах Закавказья, и общеимперских требований к формам удостоверения долговых документов. Еще до присоединения региона к России такие документы скреплялись личными печатями. По российским же законам их требовалось заверять подписями. Широко распространенной традиционной практикой в регионе была фиксация кредитных обязательств в специальных книгах — так называемых *давтар*ах. После введения Судебных уставов 1864 г. новые суды перестали принимать иски, подтвержденные документами старого типа. Потребовалось определенное время для взаимного сближения новых судебных порядков и местных традиционных практик фиксации частных сделок. В 1871 г. императором были утверждены разработанный в Госсовете порядок и сроки удостоверения в мировых судах Закавказского края «домашних актов», подтвержденных печатями, а не подписями сторон¹⁹. В Батумской области мировые суды для удостоверения частных актов, заключенных в период нахождения региона в составе Османской империи, обращались в Областной меджлис (народный суд, действующий в системе администрации области)²⁰.

Итак, мы можем констатировать, что в области семейно-брачного, наследственного, имущественного и обязательственного права местные имперские суды Закавказья практиковали регулярное использование в судебных процессах местных норм — или вошедших в Свод законов, или являющихся обычным или религиозным правом. Местная юридическая корпорация предпринимала усилия по дальнейшему сближению имперского и разных типов местного права.

Местное право, правовые обычаи и гражданские отношения отличались разнообразием и вариативностью. Многие нормы имперского обязательственного гражданского права, применяемого мировыми судами, в значительной степени соответствовали гражданским отношениям и нормам, принятым в регионе, в том числе среди мусульманского населения. Еще в 1865 г. Кавказское управление при наместнике по инициативе директора судебного департамента Кавказского наместничества Г. К. Багратиона-Мухранского в своем отзыве на разработанный под эгидой II Отделения проект свода гражданского права для мусульман заявило, что «в Петербурге, по-видимому, думают, что закавказские магометане всецело живут под действием мусульманского права, тогда как в действительности сфера применения этого права ограничена делами семейными и наследственными»²¹. При этом нормы, например, обязательственного права вполне соответствовали имперским. Ревизия сенатора А. М. Кузьминского 1905 г. Бакинской губернии показала, что подавляющее большинство гражданских дел, которые, как правило, несложны, являются взысканиями по разного рода обязательствам и вполне удовлетворяют насе-

// Юридическое обозрение. 1883. № 137. С. 332–337; *Быков Ф. А.* Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое обозрение. 1883. № 111. С. 33–43.

¹⁹ О порядке удостоверения в подлинности тех домашних актов в Закавказском крае, кои утверждены, вместо подписи, печатями // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 2. № 50181. С. 523–524; *Арицун* С. Об условиях деятельности мировых судей и судебных следователей в Закавказском крае // Юридическое обозрение. 1882. № 75. С. 1–7; *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. С. 59.

²⁰ Б-в. Судебные уставы в Батумском крае // Юридическое обозрение. 1883. № 127. С. 1–7.

²¹ *Быков Ф. А.* Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе (окончание) // Юридическое обозрение. 1883. № 112. С. 72–82.

ление, были разрешены правильно²². Ярко выраженные различия в правовых воззрениях касались в основном семейно-брачного и наследственного права, но как раз в этих областях мировые суды имели законные основания и механизмы учета региональной специфики.

В официальных отчетах административных лиц и в публицистике пореформенного периода часто обращалось внимание на то, что основывающаяся на материальном праве Свода законов юстиция и придерживающиеся обычного права местные сообщества Закавказья имели совершенно различные представления о природе преступления. Утверждалось, что любое преступление представлялось туземцам исключительно как частный материальный ущерб. Соответственно категория уголовного преступления как общественно опасного отсутствовала. Кроме того, некоторые деяния, рассматриваемые с точки зрения официального законодательства и имперского суда как проступки и преступления, воспринимались местным населением как социально одобряемый обычай (например, захват скота у лиц из других сообществ как доказательство удали, отваги). Это различие правовых воззрений, как указывалось в отчетах и публикациях, порождало массовое лжесвидетельство, взаимную отчужденность населения и судов²³. Однако многие местные судьи, в том числе туземного происхождения, хорошо зная обстоятельства региона, указывали, что резкого правового дуализма между имперскими судами и местными сообществами не было. Так, например, опытный закавказский судебный деятель Г. Гвиниев не соглашался с тем, что население края, в противоположность законодательству и основанным на нем судебным решениям, якобы позитивно оценивает грабежи, разбои и другие преступления: «Указывая на Мингрелию и мусульманские провинции, говорят, что в этих местностях воровство признается удалью, добродетелью, а потому в этих местностях общественная совесть не только не будет порицать воровство, но еще будет поощрять его... Жителям Закавказья, между прочим мингрельцам и мусульманам, самый процесс воровства противен. Тот факт, что в среде мингрельцев и мусульман название вора служит бранью, доказывает, что воровство порицается народом. Поэтому в общественной совести жителей Закавказья оно нигде не найдет одобрения. О разбоях, грабежах и убийствах и говорить нечего»²⁴. Г. Гвиниев на конкретных примерах доказывал формирование правового взгляда на преступление как на уголовное, т. е. общественно значимое и общественно же осуждаемое, а не только как частное дело двух сторон — нанесшей и потерпевшей ущерб²⁵.

В регионе был широко распространен обычай, в соответствии с которым перед свадьбой ватага молодых людей во главе с женихом устраивала скачки, стрельбу и угощение за пределами села. По обычаю они нередко нападали на первое попавшееся стадо, хватали барана, готовили его и пировали. Иногда при этом причинялись легкие побои пастуху, который пытался защищать целостность стада. Как правило, дела о таких нападениях, воспринимаемых как обычай, вообще не доходили до суда. Но при заявлении иска мировой судья квалифицировал его не как

²² Всеподданнейший отчет о произведенной по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. [Б. м., б. г.] С. 674.

²³ Еще по поводу нападков на новые суды // Юридическое обозрение. 1882. № 63. С. 161–164.

²⁴ Гвиниев Г. О суде присяжных в Закавказском крае // Там же. 1883. № 97. С. 135–137.

²⁵ Там же. С. 135–137.

уголовное дело о вооруженном разбое, что влекло бы за собой суровое наказание в виде длительного заключения. Учитывая, что эти поступки основаны на установленном в крае свадебном обычае и совершаются без злого умысла и корысти, не несут серьезной угрозы жизни или здоровью заявителя, он квалифицировал данное дело как гражданское и присуждал возмещение виновными истцу суммы нанесенного ущерба. Мировые суды региона там, где это было возможно, избегали излишней криминализации местных обычаев.

Известный грузинский публицист, общественный и государственный деятель Д. И. Кипиани, хорошо знакомый с правовой ситуацией в Закавказье, также отрицал наличие резких расхождений в правовых основах имперской юстиции и мировоззрении местных закавказских сообществ. Ключевую проблему местного судоустройства он видел не столько в противостоянии правовых устоев, сколько в языковом барьере и недостаточно развитой инфраструктуре мировых судов²⁶. Правовые противоречия, безусловно, существовали, но они не были столь радикальными. Происходило постепенное сближение имперских судебных процедур и правовых норм с судебно-правовыми практиками и воззрениями местного населения. В целом ситуация могла быть различной в тех или иных местах Закавказья, но следует отметить, что само наличие реформированного суда способствовало появлению новых понятий об уголовном преступлении.

Обвинения закавказских судов со стороны администрации в исключительном для империи недостатке в регионе «судебной репрессии», т. е. неспособности доказать обвинение, и большом количестве оправдательных приговоров, не соответствуют статистике. В соответствии с данными Министерства юстиции за 1889–1893 гг., закавказские губернии по числу оправдательных приговоров в мировом суде (по внутренним губерниям учитывались также данные по приговорам уездных членов окружных судов и городских судей) находились в средней группе среди других регионов империи. В Закавказье доля оправдательных приговоров совпадала со средней по стране — 49 %²⁷. При этом оправдательные приговоры зачастую были связаны с недостатками в работе местной полицейской администрации, когда недостаточные или добытые со злоупотреблениями показания на этапе полицейского дознания оказывались несостоятельными в суде²⁸.

Относительно независимый статус мировых судей позволял им нередко принимать решения, идущие вразрез с решением администрации. Так, в 1881 г. мировой судья отменил решение начальника Карсского округа. Жители г. Ольги обвинялись в суде начальником округа в самовольной порубке леса. Мировой судья на основании того, что факт самовольной порубки не был зафиксирован и удостоверен лесничим, отказал администрации в иске и освободил обвиняемых от ответственности²⁹. В юридической периодике отмечалось, что представители низшей администрации Закавказья после создания новых судов так и не сумели «прими-

²⁶ Кипиани Д. И. Заметки по поводу применения судебных уставов к Закавказскому краю (продолжение) // Юридическое обозрение. 1883. № 120. С. 305–313.

²⁷ Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874—1894) / сост. Е. Н. Тарновский. СПб., 1899. С. 83–84.

²⁸ По поводу жалоб на новые суды // Юридическое обозрение. 1882. № 62. С. 129–134; Всеподданнейший отчет о произведенной по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии. С. 678; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. С. 57–58.

²⁹ Смесь // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1881. № 34. С. 255–256.

ряться со своей новой ролью, не столь влиятельною, как во время бесконтрольного владычества участковых заседателей... мелкие администраторы до сих пор твердят о совершенной неготовности населения к восприятию европейских форм суда. Это мнение, происходящее из низших административных уровней и выдаваемое за мнение населения, достигает и до начальствующих лиц»³⁰.

Одной из серьезных проблем в работе судов в регионе была проблема языкового барьера. Он особенно затруднял функционирование именно пореформенного суда. В отличие от старого, канцелярского, с преимущественно письменным судопроизводством, он основывался на принципах устности, непосредственного участия сторон, особой ответственности судьи, применяющего закон с учетом конкретных обстоятельств и аргументов сторон³¹.

Для решения языковой проблемы в состав канцелярии мировых отделов Закавказья были введены должности переводчиков. Статус переводчика со временем был повышен до государственного служащего. Эта мера позволила улучшить качество персонала. Некоторые мировые судьи практиковали наем переводчиков из числа местных уважаемых жителей. Многие секретари мировых отделов были местными уроженцами, поэтому могли выступать в качестве канала коммуникации между судом и жителями. Кроме того, вокруг мировых судов возникала сеть посредников в лице официальных и неофициальных адвокатов, грамотных и владеющих русским языком. Участники процесса могли с помощью своего поверенного представить изложение обстоятельств дела в письменном виде. В соответствии с решением Тифлисской судебной палаты мировые суды были обязаны принимать к рассмотрению документы, написанные на местных языках, включая те, которые поступили в день разбора дела³².

Наиболее действенной мерой установления непосредственной коммуникации было ознакомление самого судьи с местными языками, а местного населения — с русским языком. Этим устранялось посредничество и транзакционные издержки. Быстрее всего ознакомление населения с русским языком происходило в полиэтнических по составу городах края, новых промышленных центрах, сельских селениях, имеющих русские школы³³. Соответственно, здесь существенных затруднений в общении судьи, сторон процесса и публики не возникало.

Кроме того, значительная часть мировых судей были уроженцами края, что также способствовало преодолению языковых и смысловых барьеров между новым судом и населением. Судьи из числа туземцев, с одной стороны, имели образование (в том числе профильное юридическое), полученное в российских учебных заведениях, с другой — хорошо знали языки, особенности воззрений и нравов

³⁰ Z. Z. Сенаторское обозрение на Кавказе // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 4. С. 33–52.

³¹ Спасович В. Д. О языке в области судопроизводства // Там же. 1881. № 2. С. 27–48; О судопроизводственном языке // Юридическое обозрение. 1882. № 83. С. 258–262; Савицкий И. Об устных переводчиках в судах Закавказья // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 7. С. 192–213.

³² Френкель А. Положение присяжной адвокатуры на Кавказе // Юридическое обозрение. 1881. № 21. С. 794–800; Положения, извлеченные из текущих кассационных решений Тифлисской судебной палаты (сообщ. П. П. Соколов) // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1881. Т. 1, № 2. С. 60–61; Всеподданнейший отчет о произведенной по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии. С. 663–664.

³³ Волкова Н. Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. // Кавказский этнографический сборник. IV. М., 1969. С. 3–70.

местного населения. Плюс к этому многие русские судьи в течение многих лет служили в крае.

Анализ данных по личному составу ведомства Министерства юстиции за 1894 г. показал, что из 178 судей и их помощников в мировых отделах Закавказья 39 % были представителями коренного населения: 20 % грузин, 16 % армян, 3 % закавказских мусульман. Количество выходцев из внутренних, западных, остзейских и польских губерний, служивших на своих должностях в Закавказье 5 и более лет (при этом прежде они могли служить на других судебных и иных должностях в крае), составляло 13 % всех судей и их помощников. Тем самым, по минимальной оценке, всего «кавказцев», включая представителей коренного населения и давно служивших в регионе уроженцев других регионов империи, было более половины (52 %) ³⁴. Закавказский судебный деятель Г. Гвиниев отмечал в 1882 г., что мировые судьи края служат обычно по несколько лет в своем отделе и по большей части хорошо знают местность, людей, языки: «Мировой судья близок к народу... волея-неволей он изучает нравы и обычаи народа, в среде которого живет по несколько лет сряду; он в большинстве случаев понимает язык его» ³⁵.

Статистика по этноконфессиональному составу судов Кавказа до 1883 г. — времени, когда судебная система края после ликвидации наместничества была переведена в ведение Министерства юстиции, — не велась. Но по описательным сведениям можно предположить, что число мировых судей из числа местных уроженцев в первые десятилетия после судебной реформы было еще больше. Редакция кавказского журнала «Юридическое обозрение» сообщала в 1882 г., что первый состав мировых судов был набран в значительной части из местных деятелей и был достаточно устойчив ³⁶. Ревизия 1882 г. судебных учреждений округа Тифлисской судебной палаты сенатора Д. Б. Бера показала, что туземная интеллигенция стремится к занятию должностей мировых судей. Наблюдатели отмечали, что «... число судей из туземцев сделалось уже довольно заметно. В Кахетии, например, все мировые судьи — туземцы...» ³⁷ Для усиления связи судов с населением сенатор Д. Б. Бер рекомендовал вводить в состав судов уважаемых местных жителей, расширить институт почетных мировых судей ³⁸.

Институт почетных мировых судей действительно получил развитие. Значительную часть этих должностей занимали лица туземного происхождения. Так, например, в трехлетие 1909–1912 гг. по округу Елисаветпольского окружного суда 6 из 8 почетных мировых судей были закавказскими уроженцами ³⁹. Институт почетных мировых судей служил дополнительным каналом сближения имперского суда и местных сообществ.

³⁴ Список чинам ведомства Министерства юстиции. 1894 год. Ч. 3. СПб., 1894. С. 113–137.

³⁵ Гвиниев Г. Об устройстве съезда мировых судей в Закавказском крае // Юридическое обозрение. 1882. № 73. С. 353–360.

³⁶ Смесь // Юридическое обозрение. 1882. № 44. С. 101–103.

³⁷ Z. Z. Сенаторское обозрение на Кавказе // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 4. С. 33–52;

³⁸ Разные известия // Юридическое обозрение. 1882. № 79. С. 155–156.

³⁹ О разъяснении вопроса о порядке назначения на службу в судебные учреждения на Кавказе местных жителей // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 8. Д. 67. Л. 1–23.

С конца 1890-х гг., по мере роста национального движения в Закавказье, опасения сепаратизма, усиления русификаторских тенденций в политике империи в регионе вопрос о кадровом составе мировых судей был политизирован. При министрах юстиции Н. В. Муравьеве и И. Г. Щегловитове ограничивалось назначение на судебские должности в Закавказье представителей местных народов, соответственно появилось больше назначенцев из центральных губерний⁴⁰. Во второй половине 1900-х — первой половине 1910-х гг. проблема вновь привлекала внимание, и обозначились две политические линии в вопросе о назначении на судебские должности в Закавказье представителей местных народов. Так, министр юстиции И. Г. Щегловитов и старший председатель Тифлисской судебной палаты Н. Н. Лагода проводили линию на вытеснение туземцев и русских уроженцев Кавказа из судебных должностей Закавказья. По отзыву кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова, Н. Н. Лагода проводил против лиц туземного происхождения на судебных должностях «открытое гонение, закончившееся массовым уходом гонимых в отставку». При этом сам кавказский наместник и его администрация выступали за активное привлечение кавказских уроженцев к службе в мировых и общих судах региона. В итоге вопрос был разрешен императором, который указал в 1912 г. на то, что линия министра юстиции была им санкционирована в контексте революционных событий 1905–1907 гг., но в настоящее время она уже неактуальна и следует отменить ограничения на назначение туземцев на судебные должности в Закавказье и вновь принимать их на службу при условии соответствия общим требованиям образовательного и служебного ценза и государственной лояльности. В соответствии с указанием императора, как сообщал министр юстиции И. Г. Щегловитов в марте 1913 г. председателю Совета министров В. Н. Коковцеву, назначение на судебные должности лиц туземного происхождения в Закавказье возобновилось без ограничений⁴¹.

Анализ данных по личному составу ведомства Министерства юстиции за 1916 г. показал, что из 228 судей и их помощников в мировых отделах Закавказья 34 % были представителями коренного населения: 22 % грузин, 7 % армян, 5 % закавказских мусульман («татар», азербайджанцев). Количество выходцев из европейских губерний (внутренние, западные, остзейские, польские), служивших на своих должностях в Закавказье 5 и более лет, составляло 20 % всех судей и их помощников. По сравнению с данными за 1894 г. вырос удельный вес грузин, мусульман и давно служащих выходцев из европейской части страны. При этом уменьшилась доля армян, что являлось последствиями ограничительной политики министерства юстиции в предыдущие годы. В общем балансе доля «кавказцев» в судебском корпусе мировых отделов оставалась стабильной с первой половины 1890-х гг.⁴²

Ряд принципов реформированных российских судов соответствовал историческим традициям народного судопроизводства в Закавказье. Наблюдатели отмечали, в частности, что такие основы новой юстиции, как гласность и публичность,

⁴⁰ Г. Р. Мнимый недостаток юристов на Кавказе // Право. Еженедельная юридическая газета. 1902. № 13. С. 661–664.

⁴¹ О разъяснении вопроса о порядке назначения на службу в судебные учреждения на Кавказе местных жителей. Л. 1–23.

⁴² Список чинам ведомства Министерства юстиции 1916 года. Ч. 2. Пг., 1916. С. 948–1010.

вполне соответствовали традициям и представлению о правосудии многих местных грузинских, армянских, мусульманских сообществ. В местной юридической прессе констатировалось, что в Батумской области, вошедшей в состав Российской империи после 1878 г., население было готово к восприятию российского суда, поскольку уже было знакомо со схожим по типу реформированным судостроительством Османской империи: «Вследствие этого туземное население весьма способно оценить все выгоды и преимущества нашего гласного процесса и легко осваивается с ним. Вообще, оно обращается в суд весьма охотно и относится к нему с полным доверием... Со времени создания русского суда в области не случалось слышать неудовольствия на русский судебный закон, на русское правосудие». Особенно мировой суд был важен для Батуми с его смешанным населением. Отмечалось, что население города особенно заинтересовано «в несложном и быстром отправлении правосудия»⁴³.

Мировой суд стал частью жизни многих местных сообществ Закавказья. Жители активно участвовали в судах в качестве сторон и публики. Суд позволял защитить свои имущественные интересы, статус, честь. Постепенно формировалась привычка решать спорные дела в суде. Так, согласно сведениям из Кутаисской губернии, дворяне и многие крестьяне любили участвовать в процессах — «можно сказать, они скучают, когда нет у них с кем-нибудь тяжбы»⁴⁴. Наблюдатель сообщал, что нередко какое-нибудь дело «возбуждает целую деревню, а иногда и несколько окрестных деревень. Жители разделяются на две противоположные партии... Тут и начинают действовать адвокаты той и другой стороны»⁴⁵. Как выяснила ревизия 1905 г. Бакинской губернии сенатора А. М. Кузьминского, при всех недостатках закавказской мировой юстиции (медленность, языковая проблема и пр.) «...местное население... чрезвычайно любит судиться; оно идет в суд иногда по самым мелким, ничтожным причинам; по всякому, самому ничтожному поводу оно готово начать судебный процесс и стремится довести его до конца»⁴⁶. Закавказский юрист С. М. Арцруни полагал, что широкие массы населения в целом удовлетворены новым местным судом, который давал большие гарантии правосудия, чем прежний полицейский суд.

Мировой суд был незаменим и обеспечивал правосудие в ситуации, когда сторонами выступали представители разных социальных страт. Новые суды в Закавказье предоставляли, в частности, в спорных поземельных спорах защиту крестьян против землевладельцев, слабых и бедных против влиятельных и богатых⁴⁷. Крестьяне-хизаны (арендаторы на условиях вечной аренды при неизменных повинностях) Тифлисской губернии массово подавали иски в мировые суды на землевладельцев⁴⁸. Мировой суд мог защитить от влиятельного мусульманского бека. Так, мировой судья Шушенского мирового отдела рассматривал дело по обвинению четырех молодых женщин-мусульманок из села Керникенд в воровстве со стороны

⁴³ Б-в. Судебные уставы в Батумском крае // Юридическое обозрение. 1883. № 127. С. 1–7.

⁴⁴ Абашидзе Д. Р. Из деревни // Юридическое обозрение. 1882. № 55. С. 462–473.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Всеподданнейший отчет о произведенной по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии. С. 671.

⁴⁷ Арцруни С. Об условиях деятельности мировых судей и судебных следователей в Закавказском крае // Юридическое обозрение. 1882. № 75. С. 1–7.

⁴⁸ Обзор юридической печати // Юридическое обозрение. 1883. № 113. С. 104–108.

жителя г. Шуши Таги-бека Ширин бек-оглы. Таги-бек обвинял их в краже у него имущества. Судья выяснил, что факта кражи не было, а женщины были обвинены ложно в отместку керникендцам за задержание контрабандного товара Таги-бека⁴⁹.

Рост востребованности мировых судов отражался в существенном увеличении количества рассматриваемых ими дел. В 1868 г. в Закавказском крае был открыт и функционировал 31 мировой отдел. В первый год на рассмотрение мировых судей края поступило более 81 тыс. гражданских и уголовных дел. В этом же году по ним принято более 63 тыс. решений. Соответственно, в каждый мировой отдел в 1868 г. поступило более 2,6 тыс. дел. Более 2 тыс. из них получило решение в текущем году⁵⁰. Кавказский наместник в своем отчете 1871 г. отмечал, что уже в первые годы после судебной реформы в новых судах всех уровней количество поступивших дел существенно превысило их количество в дореформенных судах. Особенно резко выросло количество ежегодно поступивших в суды гражданских дел — почти в 10 раз. Многие типы исков впервые стали доходить до суда⁵¹. По данным за 1908 г., в мировые суды Закавказья поступило 193,9 тыс. дел; из них уголовных — 72,9 тыс. (решено в этом году — 78,7 тыс., в том числе перешедших с прошлого года), гражданских — 121 тыс. (решено — 120 тыс.)⁵² Приведенные цифры демонстрируют как существенный рост количества дел, так и то, что большинство из них в начале XX в. решалось своевременно. Учитывая традиционно большую мобильность населения в регионе (например, соприкосновение представителей разных этнотерриториальных общностей на летних пастбищах, где число конфликтов всегда было велико), возрастание мобильности в связи с переселениями и экономической активностью, увеличение этнически смешанных сообществ, значение мировых и общих судов в поддержании правосудия в регионе в конце XIX — начале XX в. возрастало.

Рост популярности у местного населения мировых и общих судов был особенно нагляден в тех регионах Закавказья, где сохранялись «народные» (*окружные словесные*) суды административного ведомства — в Закатальском и Сухумском округах, Батумской и Карсской областях. Для туземцев Закатальского округа была предоставлена возможность переносить гражданские дела из «народного» в мировые суды по желанию только одной стороны процесса, а не обеих, как в других регионах юрисдикции «народных» судов. По свидетельству сенатора Н. М. Рейнке, ревизовавшего суды Кавказа в 1910 г., участники судебных процессов в Закатальском округе активно пользовались этой расширенной возможностью переноса дел. Ежегодно возрастало количество дел между коренными жителями, поступавшими к мировому судье Закатальского округа. Так, по желанию сторон мировым судьей принято гражданских дел, подсудных Закатальскому окружному словесному суду: в 1907 г. — 230 дел, в 1908 г. — 344 дела, в 1909 г. — 530 дел. При этом в народном Закатальском окружном суде количество поступивших гражданских дел не увеличилось. Сенатор сделал вывод: «Эти цифры оправдывают заключение, что туземное

⁴⁹ Смесь // Юридическое обозрение. 1882. № 91. С. 543.

⁵⁰ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. С. 53–55.

⁵¹ Кавказское краевое управление. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского по гражданскому управлению Кавказским и Закавказским краем, 1863–1871. [Тифлис, 1871.] С. 10–13

⁵² Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 24. 1908 год. Ч. 1. СПб., 1910. С. 158–159.

население питает более доверия к суду коронному, чем к народному... Само население избегает обращаться в народные и горские суды, предпочитая общие судебные установления»⁵³.

Корреспондент «Юридического обозрения» отмечал в 1883 г., что туземное население Батумской и Карсской областей стремится перенести в мировые суды свои дела, подлежащие по закону ведению народных судов — *меджлисов*. Эти сведения подтверждаются материалами ревизии Н. М. Рейнке: неудовлетворительное состояние народных судов Батумской и Карсской областей (юридическая неопытность председателя суда из числа русских чиновников, недобросовестность выборных заседателей из числа местной элиты) мотивировало многих тяжущихся перенести дело в мировой суд. Гарантии правосудия, которые обеспечивали мировые суды, стимулировали рост числа ходатайств о таких переносах⁵⁴.

Различные варианты дальнейшей адаптации общегражданской системы местного суда на Кавказе к условиям региона, его этноконфессиональному разнообразию сводились к тем или иным гибридным формам взаимной интеграции этносословной сельской и «народной» юстиции с общегражданским судом — путем включения в мировой суд представителей групп местного населения или соединения низших и мирового судов как инстанций местной юстиции⁵⁵.

В целом наше исследование показало, что следует пересмотреть широко представленное в историографии мнение о радикальной противоположности, дуализме и несовместимости, с одной стороны, нового реформированного суда, его правовой основы, судопроизводственных форм и, с другой стороны, традиционных судебных практик, правовых традиций и представлений населения Закавказья. Модели социокультурной, правовой и институциональной гибридации имперского центра и окраин, метрополии и колоний, развиваемые в современных постколониальных исследованиях, являются более адекватными для анализа описанных процессов в судебно-правовой сфере⁵⁶. Модель двух противостоящих друг другу культурно-правовых, цивилизационных «монолитов» оказывается некорректной и односторонней при более внимательном исследовании и расширении базы источников.

Различия были, но были и изначально сближающие элементы — гласность, публичность суда, опора на писаное право с частичным учетом религиозных правовых норм и местных обычаев. После распространения судебной реформы на Закавказье постепенно происходила дальнейшая взаимная адаптация новой судебной системы и местных сообществ. Постоянный рост количества обращений в миро-

⁵³ Рейнке Н. М. Кавказско-горские суды Кавказского края. С. 41–44, 51–52.

⁵⁴ Там же. С. 18; 41–44.

⁵⁵ Рашиет Я. И. Мировой институт // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1881. Т. 1, № 11. С. 474–479; Кауфман А. А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, Области Войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. СПб., 1904. С. 597–600, 763–765; Воронцов-Дашков И. И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова СПб., 1907. С. 130–133; Рейнке Н. М. Кавказско-горские суды Кавказского края. С. 62–64; Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. 1. Заседания 1–30 (с 1 ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). СПб., 1908. С. 1447–1450, 1488–1492.

⁵⁶ Stoler A. L., Cooper F. Between Metropole and Colony: Rethinking a Research Agenda // Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World. Berkeley. 1997. P. 1–56; Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 45–47.

вые суды, многочисленные свидетельства об активном участии населения в судебных процессах в роли сторон, свидетелей или публики убеждают нас в том, что местные сообщества во все большей степени стремились разрешать свои споры в суде, хорошо освоив при этом судебные процедуры и порядки. Суд, среди прочего, привлекал как зрелище, ритуал, пространство соперничества и отстаивания индивидуальных и групповых статусов. Он позволял экономически слабой, низко-статусной в социальном смысле стороне спора добиться правосудия.

По мере усиления смешанности местных сообществ, возрастания мобильности, увеличения количества гражданских исков и конфликтов между представителями разных территориальных, сословных, этноконфессиональных групп общегражданский суд становился незаменимым, а партикуляристский, сословно и этнически ограниченный, неизбежно терял свою значимость. Имперский местный суд во все большей степени осваивал региональный и местный контекст, узнавал и частично применял наряду с общеимперскими местные правовые нормы, выстраивал коммуникационные каналы с местными сообществами через разного рода медиаторов или напрямую. В мусульманских регионах новый суд взаимодействовал с духовными управлениями разного уровня. Важным направлением адаптации имперских судов к региону и его сообществам была своего рода «коренизация» кадрового состава.

References

- Baberowski J. *Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914*. Frankfurt am Main, V. Klostermann Publ., 1996, 483 p.
- Baberowski J. Law, the Judicial System and The Legal Profession. *Cambridge History of Russia*. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917. Ed. by D. Lieven. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 344–368.
- Baberowski J. *The Enemy is Everywhere. Stalinism in the Caucasus*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 855 p. (In Russian)
- Davidian G. M. Organization of Justice in the South Caucasus in the 19th Century: Judicial Reforms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Pravo*, 2015, iss. 2, pp. 76–86. (In Russian)
- Elkins Z., Sides J. Can Institutions Build Unity in Multiethnic States? *The American Political Science Review*, 2007, vol. 101, no. 4, pp. 693–708.
- Kaspe S. I. *Empire and Modernization: General model and Russian Specifics*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, 256 p. (In Russian)
- Kodan S. V., Fevralev S. A. *Local law of national regions in the Russian Empire (second half of the 17th — the beginning of the 20th century)*. Moscow, IuRLITINFORM Publ., 2014, 288 p. (In Russian)
- Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, Yale University Press, 1977, 268 p.
- Mironov B. N. *Russian Empire: from tradition to modern*. Vol. 1. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, 896 p. (In Russian)
- Nesterenko L. S. *Implementation of the judicial reform of 1864 in the Russian Empire*. Dis. ... kand. iurid. nauk. Moscow, 2012, 177 p. (In Russian)
- O'Leary B., McGarry J. Regulating nations and ethnic communities. *Nationalism and Rationality*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 245–289.
- Stoler A., Cooper F. Between Metropole and Colony: Rethinking a Research Agenda. *Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World*. Berkeley, University of California Press, 1997, pp. 1–56.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2019 г.

Рекомендована в печать 9 сентября 2019 г.

Received: March 17, 2019

Accepted: September 9, 2019